

Дневник экспедиции

*Долина Амазонки, точные указания широты
и долготы — совершенно секретно*

Запись от 6 августа 1869 г.

Утром небо было затянуто дымкой,
и марш-бросок по непроходимой местности
совершенно истощил мои силы. Но никогда
ещё пройденный путь не приводил меня в столь
счастливое расположение духа, как сегодня.
Тяготы и лишения последних дней окупи-
лись сторицей. Я совершил главное открытие
в жизни! Воистину уникальное и грандиозное.

Это сверкающая каменная глыба, тёмная
и таинственная, как ночное небо над нами.
Временами от неё исходит интенсивный аро-
мат. Будто бы витает сотня разных запа-
хов одновременно.

Моё открытие поставит под вопрос все
наши прежние представления об ароматах.
Оно перевернёт всё с ног на голову.

Глава I

Разбудил меня, во-первых, странный запах. Чужой и слишком сильный, он окутывал меня, окружал со всех сторон. Запах этот исходил не только от мебели или от тёмной деревянной обшивки стен. Он исходил *отовсюду*.

А во-вторых — звонкий голос младшего брата, доносившийся с первого этажа:

— Люци! Иди к на-а-ам!

Я решительно натянула одеяло на нос. Нет, не сейчас, я пока не готова ко всему, что меня ждёт. Да и не пришло ещё время вставать — хоть птицы за окном уже и чирикали как сумасшедшие, а в комнате было светло как днём. В последнем, впрочем, я винила дурацкую старушечью

занавеску, закрывающую лишь нижнюю половину окна. Вчера, как только мы сюда приехали и вошли в дом, я сразу решила, что первым же делом с утра избавлюсь от этого убожества. Ведь мне-то, в отличие от ажурной тряпки на карнизе, не сто двадцать лет. Но потом я подумала, что раз уж эта занавеска, несмотря на свою неказистость, провисела тут больше века, нужно дать ей шанс. Наверное, любая другая девочка на моём месте просто потребовала бы новую штору, ни на секунду не задумавшись ни о чём подобном. Но мама слишком прочно вбила мне в голову, что старинные вещи надо беречь. Она то и дело отпускала на этот счёт всякие нелепые замечания вроде «подержанные вещи хранят истории». Хотел ли кто-то слушать эти истории, её при этом совершенно не интересовало. Всё старое автоматически считалось ценным. Точка. В моей семье этот принцип лучше под сомнение не ставить. Если не хочешь поссориться с мамой. А ссоры — это не моё.

— Люци-и-и! Завтра-а-ак!

Бенно был настойчив, как всегда.

Я вздохнула. Для брата переезд стал невероятно волнующим приключением. Старинная вилла, сад и всякий старомодный хлам, — всё это казалось ему страшно интересным.

Да оно и понятно — чего ещё ждать от пятилетки.

В последний раз взглянув на трещины в потолочной лепнине, я выбралась из кровати. Итак, моя первая ночь на вилле «Эви» позади. И, судя по всему, за ней последуют сотни таких же.

Быстро натянув джинсы и футболку, я спустилась по лестнице. Деревянные ступеньки скрипели с каждым шагом, возвещая о моём приближении.

Внизу пахло точно так же странно. Как будто в воздухе витало несколько разных запахов одновременно. Не то чтобы неприятно — но необычно, это уж точно. Эта смесь запахов следовала за мной по пятам и в то же время устремлялась навстречу. Так бывает, когда кто-то, переборщив с парфюмом, заходит в небольшое замкнутое пространство вроде лифта. Запах потом ещё долго держится там, запертый как в ловушке. Только бы он ко мне не прилип! Чего доброго, будет ещё сопровождать меня всюду и оповещать о моём появлении, хочу я того или нет.

К счастью, в этом хоре запахов звучали и вполне знакомые ноты — например, аромат горячих тостов, расплавленного сливочного масла и кофе, — поэтому, спустившись на первый этаж, я протиснулась между неразобранными по-

сле переезда коробками и направилась в кухню. Все остальные члены семьи уже давно собрались там за обеденным столом. Когда я вошла, Бенно как раз слизывал варенье с тоста, раскачиваясь на стуле.

— Одно варенье — это не завтрак! — заметил папа. Судя по тону, далеко не в первый раз за день.

— Доброе утро, — сказала я.

— Доброе утро, солнышко! — Мама потягивала кофе и листала какую-то газету.

В общем, всё было как обычно. Я взяла тост, намазала на него слой варенья потолще, по примеру Бенно, и уселась рядом с ним.

— Как спалось? — Мама бросила на меня один из этих своих взглядов, способных растопить лёд. Обычно ей это легко удавалось. Но только не сегодня.

— Ничего, — буркнула я и откусила кусок тоста.

Папа усмехнулся правым уголком рта:

— Да-да, первая ночь всегда самая трудная. У нас в спальне жутко сквозит, прямо как на горной вершине. Меня продуло так, что шея не гнётся. — Он принялся театрально тереть плечо с такой страдальческой гримасой, будто того и гляди умрёт. Таков уж папа. В любой ситуации старается разрядить обстановку и перевести всё

в шутку. Но сегодня и папин юмор потерпел фиаско.

— Почему нельзя было просто остаться дома? — скупно проронила я. — Или хотя бы переехать в *настоящее* жильё. С электрическим отоплением, например.

Мама, не веря своим ушам, рассмеялась:

— Что-что? Да вилла «Эви» — это же просто мечта! Нам ужасно повезло купить её почти за бесценок. Да другие девочки лопнут от зависти!

— Угу, непременно. Если наш ветхий музей прежде не обрушится им на головы и не погребёт их всех под развалинами, — сказала я. И, набрав побольше воздуха в лёгкие, добавила: — А уж если рассказать им, как я по полчаса растапливаю колонку, чтобы из крана потекла чуть тёплая вода, тут они от зависти и вовсе задохнутся.

— Люци! — мама захлопнула газету и сверкнула на меня глазами. — Раньше все как-то справлялись с растапливанием колонок, и ничего. Радовалась бы, что вилла «Эви» не безликая новостройка! Именно поэтому она так прекрасна, что дух захватывает. Да у кого ещё в доме сегодня есть старинная водогрейная колонка?!

— Вот именно! Ни у кого!

Я закатила глаза. Мама работает реставратором, а это значит, что она души не чает во всяких

поломанных и покрытых вековым слоем пыли штукovinaх. Наводя лоск на какое-нибудь старье, она просто сияет от счастья. За это мы иногда зовём её *санитаром блошиного рынка* — впрочем, она на такое не обижается. Чаще всего я вижу маму одетой в заляпанный краской и гипсом рабочий халат. В нём она сидит, стоит на коленях или лежит в какой-нибудь церкви на строительных лесах, восстанавливая фрески, разрушенные настолько, что никто, кроме неё, уже не в силах разобрать, что там когда-то было изображено. Фресок на вилле «Эви» не было, зато всякого мрачного хлама водилось в избытке, и мамина помощь ему, надо признать, требовалась довольно срочно.

Я заметила, что Бенно ловко воспользовался ситуацией: пока мы спорили, варенье исчезло у него во рту, а тост — где-то под столом. К этому моменту он уже слез со стула и отправился на поиски своего леги. Я сдержала усмешку, чтобы его не выдать.

— К сожалению, местная пекарня по субботам работает только до обеда, — мама сделала последний глоток из чашки и посмотрела на меня. — Нам срочно нужно купить хлеба на завтра. Знаю, ты только проснулась, но нам ещё столько всего предстоит...

— Да-да, я схожу. Без проблем.

С прошлого года ходить за хлебом по выходным вошло в мои обязанности.

— Спасибо, солнышко, — проворковала мама. — Пекарня тут недалеко, вдоль по улице, прямо на перекрёстке.

— Хорошо.

Я быстро сунула тарелку в раковину. Вообще-то повод выйти за дверь — это здорово. Чистя зубы, я на секунду задумалась, как бы побыстрее соорудить на голове какое-нибудь подобие причёски. Но никаких озарений у меня сегодня, как и всегда, на этот счёт не случилось. Поэтому, не придумав ничего лучшего, я просто заплела прямые русые волосы в косичку. Во-первых, коса не привлекает к тебе лишнего внимания, а во-вторых, это быстро.

В прихожей я взяла приготовленные мамой деньги, сунула ноги в кроссовки и захлопнула за собой дверь, крикнув «Пока!» напоследок. Перемахнув четыре ступеньки крыльца на веранде, я побежала по Лавандовой улице в сторону пекарни. Заборчики палисадников справа и слева высотой едва доходили мне до колена — очень непривычно для жителя большого города вроде меня.

До пекарни и впрямь было рукой подать. Вывеска с нарисованным круассаном бросилась